Наша Газета
nashagazeta.ch
Опубликовано на Швейцария: новости на русском языке (https://nashagazeta.ch)

Александр Сокуров о слабостях кино, стихии воли и личной ответственности | Alexandre Sokurov on weakness of cinema, tempest of will and individual responsibility

Author: Азамат Рахимов, Лозанна , 04.12.2013.

Александр Сокуров

Наша встреча с выдающимся российским режиссером состоялась в Лозанне, куда он приехал представлять свою картину «Фауст». В это же время в Женеве и Лозанне проходил первый фестиваль постсоветского кино в Швейцарии «Kino».

|
We met the outstanding Russian director in Lausanne where he presented his film "Faust". At the same time the first festival of postsoviet films "Kino" started in Geneva and Lausanne.
Alexandre Sokurov on weakness of cinema, tempest of will and individual responsibility

Наша Газета.ch: Александр Николаевич, как Вы относитесь к фестивалям, которые ставят своей целью продвижение национального кино, например, русскоязычного? Может ли такой фестиваль стать окном в российский и постсоветский кинематограф?

Александр Сокуров: Почему именно русское кино? Зачем объединять его с фильмами тех стран, где развивается свое молодое кино и где хотят поскорее забыть свою общую жизнь с Россией? Фестивали проводить надо, но под условным названием «Молодое кино Старого Света», на которых бы показывали не только российские картины. Мы наблюдаем общий дефицит: он касается не только российского опыта, но и всего молодого кино. Выборочное внимание к России всегда очень искусственно и всегда связано с интересами определенных национальных групп, в данном случае, русскоязычных.

Да и что такое «русское кино»? Это очень странно выглядит, если учесть, что Европа продекларировала отказ от национальных культур и превращение в общее и единое пространство. Да, национальное кино надо защищать и поддерживать, но внутри страны. Надо спасать национальные культуры в Европе.

Все мои разговоры на эту тему с европейскими кинематографистами приводят к тому, что на лице моих собеседников возникают гримасы. И начинаются разговоры о моем национализме. Я считаю, что национальные культуры – это величайшая ценность Старого Света и всей современной цивилизации. Национальные культуры – это то, чем мы все в прекрасном смысле отличаемся друг от друга. И это рождает интерес друг другу, а значит, уважение и бережное отношение. Поэтому стоит где-нибудь вспыхнуть войне, как мы начинаем кричать: «Спасите музеи!» Национальные культуры – часть общей цивилизации. Поэтому не нужна истерия вокруг России, а нужно искреннее и равное отношение ко всем странам.

Александр Сокуров в Лозанне (© Carine Roth/Cinémathèque suisse)
Что самое трудное при проведении подобных фестивалей?

Небрежно подготовленные фестивали только вредят. Отбор фильмов – крайне сложный и ответственный процесс. И порой вокруг ничего не значащих произведений вдруг начинают вестись глубокомысленные разговоры. Надо четко разделять кино как визуальный товар и кино как произведение искусства. Любительским образом составленные программы только мешают восприятию национальной культуры.

Ваши картины уже давно вошли в фонд мировой культуры, их часто относят ко всемирному наследию, ссылаясь на их универсальность. Кино редко удостаивается подобных комплиментов, это скорее относится к музыке, чей язык не требует перевода. Создавая свои фильмы, Вы старались их в чем-то уподобить музыкальному произведению?

Вообще, музыка – это, конечно, идеальная точка отсчета. Для меня в первую очередь важно найти эстетический адрес в живописи. Пока я не найду своего друга живописца, я картину не начинаю. Сначала возникает влюбленность в этику и эстетику определенного живописца, а уже потом я понимаю, что меня ведет.

Например?

Уже много лет продолжается моя любовь к немецким романтикам. Музыка возникает

на втором или даже на третьем этапе. Я очень опасаюсь соотносить кинематографический язык и кинематографическую семантику с музыкальным миром, потому что композитор – очень свободная фигура, а я как режиссер очень не свободен. Я связан экономикой, сложными социальными проблемами.

Из всех художников режиссер кажется самым зависимым.

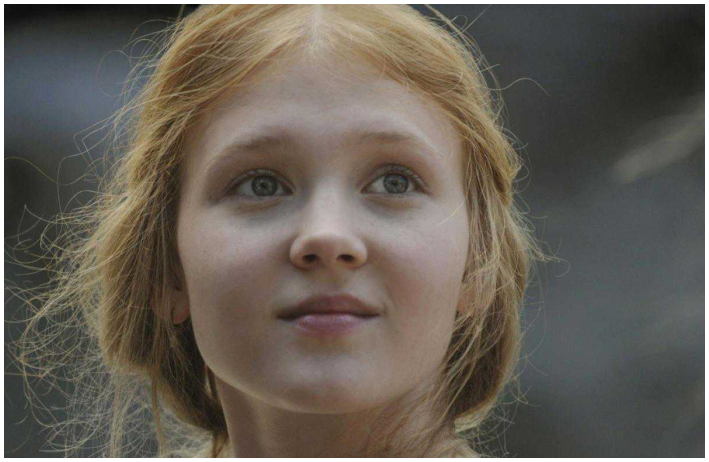
Думаю, что так и есть. Больше нигде нет такой зависимости от вторичного. Я зависим от изображения, денег, этики, политики, собственного настроения, физического состояния, цензуры, которая никуда не ушла. У меня до сих пор есть замыслы, о которых я не могу вслух сказать. Причем эти фильмы не будут показывать не только в России, но и в Европе. Я прекрасно понимаю, кто меня окружает.

Но если мы вернемся к музыке, то надо помнить, что она возникает, когда уже многие карты в картине открыты. Причем она выполняет задачу, независимую от сюжета, драматургии или поведения актеров. Мелодия, которую я люблю самозабвенно, и появляется в фильме.

Ваш «Фауст», который, конечно, не является экранизацией романа Томаса Манна «Доктор Фаустус», все же вызвал у меня схожие ассоциации. Роман по своей структуре музыкален: единая мелодия связывает все повествование. Такое же чувство у меня возникало при просмотре Вашей картины.

Когда я только раздумывал над идеей фильма, я хотел экранизировать роман Манна, которого очень люблю. Но вскоре я понял, что сегодня для этого просто нет технических возможностей. И, в первую очередь, еще не создан такой кинематографический язык, который бы смог передать всю глубину. Это осуществимая, но очень дорогостоящая задача.

Позволю себе напомнить, что наш фильм ни в коей мере не является экранизацией какого-либо конкретного произведения литературы. Это не постановка «Фауста» Гете, а четвертая часть тетралогии, которая собирает в себе суммарно весь набор этических и эстетических проблем всего глобального замысла. Картина пытается ухватить самые сложные и самые больные части, которые еще со времен написания «Фауста» Гете никак не изменились и не были решены. Многие из этих проблем надо решать сообща, но человечество сегодня не может ничего решать сообща, а люди, которые могли бы решить это в одиночку, уничтожены. Сегодня глубокая философия не нужна не только тоталитарным, но и демократическим режимам. Это видно, например, в Швейцарии и Франции.


Кадр из "Фауста"

«Фауста» очень тяжело смотреть: в нем настолько высокая концентрация смыслов, что просто не успеваешь уложить в голове даже половину. После первого просмотра пришлось пересматривать сцены по частям. Каждый кадр нагружен значениями, ассоциациями, аллюзиями, образами, но при этом картина получилась очень целостная. Как мне показалось, в том числе и благодаря музыке.

Конечно, это малеровская традиция. Хотя я, как маленький человек, взял из Малера все самое любимое и все неправильное, если можно так сказать. В первом монтаже «Фауст» длился три часа. Потом я один час убрал, и сейчас она чуть больше двух часов. Сжатие и дает плотность, о которой Вы говорите. Но так и должно быть: автор должен опережать зрителя. Зритель должен придти и принять участие в этой гонке.

А за кем пытаетесь угнаться Вы?

У меня на столе стоит огромный альбом Леонардо да Винчи. Я его переворачиваю уже пять лет. Каждый день по одной странице. Почему он это сделал так, а не иначе? Как он мог это тогда увидеть? А ведь мы сегодня очень многого не знаем о физиологии человека. Мозг – до сих пор для нас загадка. Да Винчи пишет, что когда он заходит в тупик в своих научных работах, он начинает рисовать. И с помощью рисунка, живописи он решает очень сложные интеллектуальные проблемы.

Это ощущение ясно присутствует в Уффици, где выдающаяся эстетика несет огромный объем интеллектуальной информации. Хотя что-то есть и в самом месте.

Галерея Уффици – удивительное место. Мне кажется, там лежит чье-то сердце. Знаете, как это раньше было: человек умирал, его вскрывали и вынимали сердце. Тело хоронили в одном месте, а сердце, например, на поле битвы, если это был полководец. Думаю, в Уффици, где-то в стене замуровано чье-то сердце. Правда, мы пока не знаем, чье именно. Это ясно чувствуется.

Возвращаясь к сложности восприятия «Фауста». Далеко не каждый зритель в состоянии досмотреть картину до конца. Надо ли воспитывать зрителя? Если да, то каким способом?

Мы обязаны воспитывать каждое новое поколение. Генетически культура не передается. И тут можно очень многое сделать. Хотя отношения у людей с

искусством всегда были и будут очень сложными.

Люди очень талантливые, гениальные, они живут отдельно. Тонко думающий и по-настоящему занимающийся своим делом человек всегда будет стоять в стороне. Искусство создается для меньшинства, для тех, кто в состоянии его подпитывать, понимать и переживать. Если бы не было искусства, лучшая часть человечества просуществовала бы очень недолго. Зачем-то надо, чтобы такие люди были. Они являются эстетическими, интеллектуальными разведчиками. Я говорю сейчас об искусстве, но не о науке. Стив Джобс укажет нам дорогу в тупик.

Только настоящие художники могут заглянуть в будущее и вернуться. Это возможно только в области искусства. При этом все – от Толстого и Данте до Боккаччо и Манна – показывают нам что-то положительное, дают надежду, утверждают жизнь. Научно-технический прогресс направлен на некую конечную точку.

Александр Сокуров на Венецианском кинофестивале

А что может кино?

Кино – самая слабая, неразвитая и беспомощная форма искусства. На открытия в кино не стоит обращать внимание, потому что ни один из кинематографистов не сможет достигнуть гармонии, которая есть в музыке или литературе. Эта гармония – как раз результат путешествия туда и обратно. «Реквием» Моцарта – художник увидел смерть, но смог вернуться и рассказать нам о ней. А в последних нотах все равно звучит жизнеутверждающая сила. Еще нет таких режиссеров, которые смогли бы создать произведения, равные по своей гармонии великой литературе и музыке.

Надежда присутствует и в финале «Фауста», который многим критикам кажется глубоко трагичным и безнадежным. Но лично для меня неожиданным стало появление белого света, который засиял, как освобождение. Если всю картину пытаешься вместе с героем решать интеллектуальные задачи, то к концу уже просто не остается сил. И на эмоциональном уровне финал дарит освобождение.

Так и есть: те невозможно трудные коллизии, через которые проходит Фауст, да и любой человек, нельзя решить при помощи интеллекта. Достоевский с Раскольниковым также зашел в тупик: попытки логического объяснения проваливаются одна за другой. Факт убийства нельзя никак оправдать интеллектуально, но мы заканчиваем читать «Преступление и наказание» с чувством надежды и спасения.

Согласно Вашему определению, «кинематограф — это очень неприятное влечение, большая психофизическая ловушка, это очень опасное зрелище, которое уже на физиологическом уровне воспитывает лень». Могут ли отношения режиссера (автора), вступающего в связь с кино, напоминать Фауста, заключающего договор с дьяволом, который создает для героя своего рода театральную ловушку и усыпляет его способность к сопротивлению?

Это очень сложный вопрос. Тот, кто сможет на него ответить, сможет претендовать на докторскую степень: здесь оказываются вовлеченными очень многие процессы, в которых не так просто разобраться.

Мне кажется, что кино во многом порвало с театром, который остался гораздо ближе к литературе. Театр может многое недоговаривать, а кино – искусство точное. Я просматривал свои записи по «Фаусту»: иногда только по одному кадру у меня было 450 вопросов. Как герой идет? На что наступает? Какие шнурки на ботинках? Что валяется на земле? На большинство моих вопросов не было ответов даже у специалистов. Они почти ничего не знали про особенности материального мира первой трети 19-го века. В этом смысле режиссер крайне зависим от самой природы кино.

Какое значение отводится актеру? Может ли он выйти из-под власти режиссера или он еще более зависимая фигура?

Актер перестает быть куклой, которую водят, только в одном случае: когда в актере больше личности, чем мастерства. Мы знаем таких актеров, которые чудом своей личности притягивали наше внимание. Например, Евгений Евстигнеев в России, старые МХАТовские актеры. На Западе – Анна Маньяни, Джульетта Мазина. Каждая из них выше, чем актриса, выше, чем женщина. И, конечно, Жан Габен.

Возвращаясь к материальной культуре. Мы очень мало знаем, например, о том, что и как носили люди в эпоху, когда Гете писал «Фауста». Это принципиальный вопрос: одежда в огромной степени влияет на отношения человеком с собственным телом и его отношения с внешним миром. Специалисты не могут до конца описать эти аспекты. Но еще сложнее вопрос о внутренних одеждах. Ткани, которыми покрывается тело, все же составляют внешнюю оболочку, а вот что человек надевает на свое я? Пока мы не все понимаем.

Ваша тетралогия власти, как мне кажется, исследует, в том числе и этот вопрос, предлагая понять внутреннюю суть известных правителей.

В том числе. Ясно, что внутренние действия Наполеона и Гитлера, если откинуть внешние различия, одинаковы. То же самое проделывал Сталин, пусть и немного в другом варианте. К сожалению, внутренние мотивировки мужчин и женщин с какого-то момента перестали меняться.

Внутренняя природа и мотивировка действий мужчин начала 19 века и сегодня ничем не отличаются. Это то, к чему меня приводят мои исследования самых разных людей, из самых разных слоев общества.

Это приводит нас к вопросу об ответственности. Эта тема особенно важна в

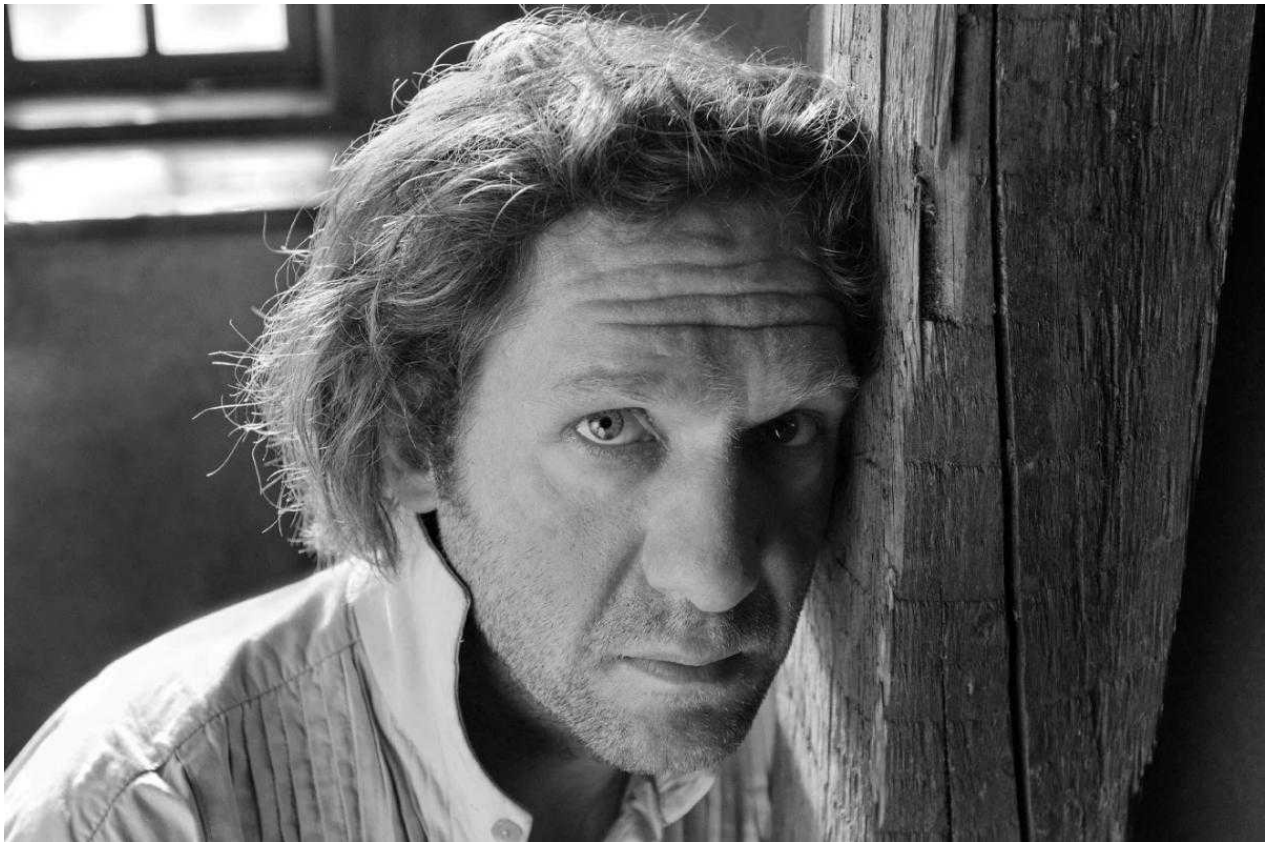
«Молохе», «Тельце», «Солнце» и «Фаусте». Она пронизывает эти картины, но решается по-разному. Можно ли говорить о личной ответственности Гитлера, Ленина и Хирохито, или каждый человек, живший одновременно с ними, ответственен за те ужасы, что происходили во время их правления?

В эту сторону никто никогда не заходил. Вы – первый, кто задает мне этот вопрос, хотя я сам уже очень давно пытаюсь в нем разобраться. Одно тут ясно: никакого достойного и углубленного представления об ответственности ни у кого из этих людей не было и не могло быть. Почему? Никто из них не мог быть значительным, масштабным человеком, просто потому что, чем выше забирается человек, тем больше он превращается в песок. И этот песок держат чьи-то руки. Эти трое не могли этого понять, потому что были просто людьми. Тетралогия – это история мужчин 20-го века, которая показывает, что человек всегда отстает от своего времени: оно шире, больше, и его не охватить.

Например, Ельцин, с которым я общался, признавал, что в какой-то короткий период он сумел выполнить то, чего от него требовало время, но затем он стал отставать. При этом любой мужчина с амбициями все равно не откажется от своей роли и будет идти дальше. Чтобы успевать за временем, нужен очень сильный характер. Я не верю, что он в принципе может существовать в политике.

Но он все же может проявиться в других областях?

По-настоящему сильные мужские характеры могут быть в астрономии, потому что люди, которые с этим работают, понимают: перед ними несоизмеримо большая сила, чем они сами. Один раз в своей жизни я посмотрел в телескоп и дал себе слово, что больше никогда туда не посмотрю. Мне стало так страшно. Я понял, что мне это не по плечу. А рядом со мной стоял человек, который с этим справляется каждый день. При этом в нем была ирония и внутренний масштаб. Этих качеств нет у политических деятелей, у них есть только стихия воли. А у этого астронома они были. Ему я бы доверил управление государством.


Кадр из "Фауста"

швейцарская культура
кино в Швейцарии
Статьи по теме
Павел Лунгин: «Кино – это бесконечное вранье в поисках правды»
Гарри Бардин: «В работе надо быть бескомпромиссным»

Source URL:
https://nashagazeta.ch/news/les-gens-de-chez-nous/aleksandr-sokurov-o-slabostyah-kino-stihii-voli-i-lichnoy-otvetstvennosti